

A man in a grey suit is standing on a rope bridge in a snowy forest. The bridge is made of thick, braided ropes. The man is looking down at the ropes. The background is a snowy forest with bare trees.

Сава Лоза

Соавторы

18+

Сава Лоза
Соавторы

«Автор»

2026

Лоза С.

Соавторы / С. Лоза — «Автор», 2026

Джутовая веревка свернулась на дне сумки кольчатой змеей. Хью выудил ее, содрал этикетку, и в руках оказался тонкий, невесомый шнур — слишком длинный для того, что предстояло сделать. Вокруг стихали птицы, а небо — пронзительно-синее, неестественное для этого времени суток — слепило глаза. Любуясь проясненным, словно назло, небом, он терял время. Он долго взвешивал это решение, вымучивал его бессонными ночами, и теперь время вышло. Наступило «сейчас». «Веревка в руке: когда ее следует применить? "Когда?" И чем дольше он выжидал, тем, больше веревка походила на пуповину, связывающую его с грехом. Отчаявшиеся не колеблются. Пора уходить! Последние минуты перед точкой невозврата, в голове всплывали лица близких. Ни Келли, ни Лэнс не поняли бы его, не разделили бы нервность последних лет. Пора свести счеты. Он наделал много ошибок, но совершаемая сейчас — невосполнимая. Чтобы действовать, придется распрощаться с душой, и слава богу с этими проклятыми ботинками на 4 размера больше.

© Лоза С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Соавторы

Часть 1

Пролог

Джутовая веревка свернулась на дне сумки кольчатой змеей. Хью выудил ее, содрал липкую этикетку, и в руках оказался тонкий, почти невесомый шнур — слишком длинный для того, что предстояло сделать. Вокруг стихали птицы, а небо — пронзительно-синее, неестественное для этого времени суток — слепило глаза. Любуясь проясненным, словно назло, небом, он терял время. Он долго взвешивал это решение, вымучивал его бессонными ночами, и теперь время вышло. Наступило «сейчас». «Веревка в руке: когда ее следует применить? Когда следует применить?» И чем дольше он выжидал, тем, больше веревка походила на пуповину, связывающую его с грехом. Пальцы сжали грубое волокно. Отчаявшиеся не колеблются. Пора уходить! Последние минуты перед точкой невозврата, в голове всплывали лица близких. Ни Келли, ни Лэнс не поняли бы его, не разделили бы нервность последних двух лет. Пора свести счеты. Он наделал много ошибок, но совершаемая сейчас — невозполнимая. Чтобы действовать, придется распрощаться с душой, и слава богу с этими проклятыми ботинками на 4 размера больше.

Часом ранее он очутился в ночной чаще Мальты, как и задумал. Но стоило ему пересечь границу широколиственной рощи, как лес ошетинился: деревья словно стиснули ряды, преграждая путь и цепляясь колючими ветвями за одежду, а сырой торф под ногами стал вязким, пытаясь удержать чужака. От Хью исходила такая густая аура опасности и чужеродной тьмы, что сама природа начала протестовать против его вторжения. Он спугнул семью барсуков, те бежали прочь словно спасаясь от пожара, едва почуяв его приближение. Ветви, еще секунду назад качавшиеся в такт ветру, застыли, только Хью бросил сумку на пень перед подходящим деревом. Птицы, прежде заливавшие базарной трелью, мгновенно смолкли. словно природа затаив дыхание, ждала действий чужака. Наконец, Хью Коулман больше не слышал ничего, кроме ззззип-звука молнии на его траурной сумке.

Часть 1

Глава 1. В пределах и за пределами квартиры в Нью-Йорке.

Они познакомились в 2012 году по инициативе Хью Коулмана. Хью написал в Facebook Мерфи Гиллу — легендарному, но увядающему фолк-рокеру. Не надеясь на ответ, он отправил импульсивное, почти наглое письмо:

«Мерфи Гилл в телевизоре ловко уходит от ответов, отшучивается и заливает голос автотюном. Что ж, американцы обожают две заправки: кленовый сироп и фанеру. Но рискнул бы Гилл обнажить душу по-настоящему перед миллионной аудиторией, скажем, на страницах книги?» Этот вызов без формальных приветствий должен был либо привлечь внимание, либо обернуться крупными неприятностями.

В то сентябрьское позднее утро отправитель Хью Коулман надрался. Молодой мужчина пришел в бруклинскую съемную квартиру с тяжелой ночной смены. Под рейтинговое телевизионное вещание завалился на кровать в облегченной дубленке, мокрой от дождя. Замша, пропитавшаяся влагой, запрела и Коулману, разумеется, мешала. На ботинках осталась этиловая слякоть, которая притащилась из стриптиз-клуба. Пролитое бухло — дело естественное, но по обыденности Хью не увлекал клубную отрыжку в кровать.

Со среды на четверг в приватной комнате клуба «Феромон» случилось происшествие. Во втором часу с себя скидывают халаты якобы-сестренки Джуди и Хизер. Обычная программа каждого второго четверга месяца — легкие халатики падают со второго яруса клуба на головы мужчинам, пока танцовщицы остаются эпатировать акробатическими этюдами. Обладатели лучших мест разминали шеи, не зная, какое шоу глядеть. Поскольку... С высоты — сексуальные сочные сестренки, по низам — изувеченная женщина под конвоем 911. Всё, что встало в штанах джентльменов, попадало от вида крови. И как бы не старались раскрывать свои цветки лотоса «сестры», гвоздем шоу стала Изабель.

Все началось с Дюка, аналитика из бухгалтерской конторы, который обожал выраженный мягкий живот Изабель, оставшийся после двух родов. В ту ночь главный бар-менеджер ушел по делам, оставив Хью за старшего.

Каждая девушка в «Феромоне» — от официантки до go-go — подписывает договор. Это свод правил по укрощению животных инстинктов, где вежливость — единственное оружие. Но Изабель, похоже, правила не читала. Дежурные фразы вроде: «Котик, смотреть можно — трогать нельзя», — осточертели ей слишком быстро. Когда клиент перешел черту, она назвала его хлюпиком и, по меткому выражению бармена Билли, врезала ему точно по «фискальным накопителям». Стерпев боль и унижение,

Дюк, согнувшись от боли, попросил о пощаде. Мимолетный поцелуй в щеку мог стать символом примирения, но зубы Дюка сомкнулись на коже Изабель мертвой хваткой. Она закричала. Отнюдь не эротический стон, лишивший ее возможности двигаться, заглушил даже басы диджея на танцплощадке. Для секьюрити, дежуривших на ледяном ветру, этот кровавый инцидент стал лишь поводом наконец зайти в тепло. Менеджер Коулман тогда требовал одного: разобраться тише, не нарушать распорядок. Но без шума не вышло.

«Феромон» на Макдональд авеню — это переоборудованный бальный зал, бывшее любимое местечко пожилых «счастливых танцоров Бруклина». Студия переехала из-за омолаживающего населения района. Теперь здесь иные танцы, с не танцующими партнерами и нервными депрессивными стриптизершами. В прошлом году паркет студии заменили акрилом с зеркальным эффектом; пара примочек для аппаратуры по свету и чистые полотенца в гримерки девчонкам, но настроение коллектива не улучшилось. Клиенты остались прежние — неудовлетворенные псы. Здесь проводят вечера, захлёбываются джином и эротикой эмигранты, работяги с ближайших производств. Есть и те, кто любит помахать лопатником, торгаши со слабой интимной мышцей. Покажут вонючую десятку и в сорок голосов визжат, требуют сиську. Полно романтиков, гоняющихся за тенью любимой девчонки. Таких опасаться стоит прежде всего. Мучения самых привязанных рано или поздно превращаются в приступы, как у Дюка. Хью нажал на кнопку пульта горлышком бутылки джина. Глядя в голубой экран, он думал о своем. Его будущее в «Феромоне» под вопросом. Босс станет волноваться, как избежать проверки по инциденту. Какой-то из ба-менеджеров потеряет работу.

Хью продолжал пялиться в бочковатой формы телевизор «Хендай» на кинескопной основе, отдаваясь в пользу повтора программы «Рок без морщин.

- Смотреть тошно на напояженного ведущего Шермана Маллоу, — возмущался Хью.

- Вы не стояли у истоков формирования фолк-рока, — подчеркивал артистично Маллоу. — Всё же с вас и группы «Эрига» берет пример поколение молодых артистов. Наследники направления усвоили урок и продолжают учащать ритм, как делают Мерфи Гилл, Фрэнк Клифф, Корри Роу и остальной состав. На что Мерфи Гилл с сомнением шурил глаза.

- Забыл слово, помогите мне, Шерман, — не направив вектор темы, просил о помощи Гилл.

Пауза в студии.

- Когда всё развивается, меняется?

- Эволюция? — удивился Шерман.

- Эволюция! — Музыкант щелкнул пальцами, и зачем-то раздались аплодисменты. — Видите ли, темп прироста убивает жанр. «Эрига» компенсировала изъяны. — Мерфи пожал плечами. — Ну и всё, эволюция должна остановиться.

В студии раздался хохот, а Хью вспомнил, как Дюк, дергаясь в конвульсиях, пытался совладать с ними, как его глаза закатывались, обнажая одни белки, а с губ летела кровавая пена.

- В рамках тура по Америке вы провели тридцать шоу. Новая песня «Мая на Луне» необычайно популярна.

- Самый большой тур. — Мерфи слегка приподнялся с легким поклоном. — Необычайно популярна.

В восьмом часу утра барменджер из стриптиз-клуба по-прежнему боролся со сном в пользу передачи. Ему удалось отвлечься: исполнитель давно не появлялся на телевидении и, в отличие от программы, всё же покрылся морщинами. Печь музыкального продакшена прекратила давать тягу в дымоход «Эриги» лет пять назад, а тут федеральный, новая песня... Хью залез в фейсбук, отыскал страницу Мерфи, где тот на широкой уличной сцене. Музыкант акробатически задрал ногу на высокий козырек оркестровой ямы. Гилл держал гитару, его подбородок слегка выпячивался вперед, а открытое событию круглое лицо сияло от нахлынувшей любви зрителя.

Отключился Хью на песне «Прости за любовь». А перед исполнением Шерман Маллоу спросил дотошно: как вы, дорогой голос Америки Мерфи Гилл, видите идеальное завершение карьеры?

- Я падаю в многотысячный зрительный зал, а фанаты ловят меня и подкидывают, и подкидывают.

За кадром хлопки и хохот зала, и закатистый издевательский смех Дюка.

Во всяком случае так послышалось утопающему во сне Хью.

Скрежет металла по личинке замка заставил Хью встрепенуться. Кто-то настойчиво пытался проникнуть в квартиру, и это определенно не была Келли — та вводила ключ плавно, с коротким, почти ласковым чириканьем. Память мгновенно отбросила Хью в ту ночь, подсовывая лицо Изабель: белая, как мел, кожа, глаза испуганного оленя и жуткий, пульсирующий фарш вместо носа. Ему почудилось, будто она явилась за убежищем, которое не смогли обеспечить ни стены «Феромона», ни безразличные менеджеры. Хью замер, инсценируя сон, чувствуя ледяную иглу, вогнанную в спину. В проёме дверной арки на мгновение сверкнул глаз Изабель, а рядом — пальцы, прижимающие кровавый бинт. Гулкий грохот брошенного зонта, шелест сумок — официантка, невесть как узнавшая адрес, явно надеялся разбудить виновного в своих бедах. Тяжёлый клацающий шаг каблука не оставлял сомнений: женщина по-настоящему зла. Однако Хью заметно расслабился, услышав сухой, грозный кашель и следом — тихую, без единого скрипа, закрывающуюся дверь. Это была не она. Келли повесила пальто на крючок у ванной, мельком подергала своим маленьким, вздёрнутым носиком и серийно чихнула. Больше года назад Келли Шеннон начала уставать от отношений. Нет — она устала от самой себя, вынужденной тянуть этот союз, как локомотив. Чтобы по-настоящему устать от Хью Коулмана, ей нужно было, чтобы он начал вызывать хоть какое-то раздражение, но то, что бесило её ещё вчера, сегодня не вызывало даже капли жалости. В первые минуты, уже в качестве госты, Келли застыла в межкомнатном проёме, молча теребя пальцами брелок с кроликом — сувенир, который Хью купил ей на ярмарке в Сент-Луисе, когда они ещё верили, что у них есть общее будущее.

Келли устала под кровать, в ту область, где должна была находиться надёжная опора, но обнаружила лишь пустоту. Зато рядом стоял знакомый бокс — нераспакованная коробка

размером с футбольный мяч, с маркировкой: «Мебельная фурнитура с креплениями 6 дюймов». Келли коротко выдохнула носом, и её плечи, до этого напряжённые, безвольно опали, словно она сбросила невидимый груз.

Изнемогая от духоты, застоявшегося похмельного смрада и необходимости пробираться через лабиринт разбросанной мужской обуви и прочего хлама, она лишь криво ухмыльнулась. Этот бардак больше не доставлял ей боли — лишь глухое презрение. В спальне, в порыве внезапного гнева, она с силой дёрнула за край тяжёлых занавесок. Старая гардина не выдержала напора: занавеска обвисла, подняв пушинки недельной пыли. Келли осталась стоять в центре комнаты, глядя на то, как утренний свет обнажает всю убогость пространства, которое она так долго пыталась назвать домом.

— Дышать нечем, — бросила она, слегка пнув ногой пустую бутылку, притаившуюся под тяжёлой дублёнкой. — Сколько ты списал со склада? Целый ящик? Мог бы хоть спортом заняться, вместо того чтобы гнить здесь... Хотя, о чём я?

Келли подошла к окну и замерла, глядя вниз с высоты седьмого этажа. Её внимание привлекла одинокая тележка с книгами, брошенная у иссохшего дерева. Прохожие словно не замечали её: спешили мимо, забирали кофе в форточке забегаловки, на ходу выхватывали бесплатные газеты из киоска. Особое внимание Келли привлекла парочка, переходящая дорогу: они даже не скользнули взглядом по тележке, увлечённо разглядывая рекламный щит элитного книжного магазина из Верхнего Ист-Сайда.

Девушка призналась бы в уважении к писательскому дару бывшего, если бы за этим стоял хоть какой-то план, большая цель или искренняя одержимость идеей. Но три коротких рассказа в год для третьесортных альманахов и статьи, где оригинального текста было меньше двадцати процентов, — не в счёт. Она с горечью подумала: даже если бы Коулмана когда-нибудь напечатали, его удел всё равно остался бы там, на улице — в той самой брошенной тележке у сухого, мёртвого дерева.

— Откуда дубленка? — припомнился долг за бывшим любимым. Руки Келли тем временем действовали по привычке — тянулись к полу за скомканной вещью с целью повесить ее на законное место. Брюки, рубашка, носки, покрывало, собранные со всех углов, посыпались на кровать для последующего распределения. Бытие не способно аккумулировать позитивную энергию в хаосе. «Касаемо денег: пятьдесят долларов нужны как воздух. Курсы в брокерскую компанию, где работает наш общий друг, я пройду их, малышка», — убеждал Коулман в августе, в очередной раз испугавшись разрыва. Уверенность, будто бы парень возьмется за голову, подкрепил сам Лэнс: «Дорогая Келли, не волнуйся. На этот раз Хью не налажает. Уволится с позорной работы, не человеком, но волком с Уолл-стрит станет. Обещаю, я выбью из него дурь!»

— Хью, я знаю, ты не спишь!

Не получая связи, девушка начала трясти завернутые в одеяло ноги.

— У тебя уже есть куртка из аутлета. На шмотки пошли деньги? Обнадежь, может, курсы дали всходы? Ты меня с умаводишь. — Чуть тише прозвучал упрек. — Ненавижу должников.

Не приветствуя ее, не сбрасывая скоп борохла, Хью сделал лишь один знак уважения: из положения лежа принял полулежачее состояние, прильнув спиной к изголовью.

— Ты ушла, всё забрала. Что еще нужно?

— Верни долг.

Бросив носок, которому не нашлось пары, Келли снова взяла его, теребя и скручивая. Взгляд взволнованный не нашел предмета для сосредоточения, оттого бегал от кровати к окну, словно мячик от платформы к кирпичикам в телефонной игре. Хью помнил: Келли не умеет возвращать то, что по праву ей принадлежит.

— С кем ты надрался? — продолжала она, периодически увлекаясь тем, как в дымчато-серых зрачках Хью происходят изменения. В пасмурном свете, пробивавшемся сквозь

окно, его обыкновенные серые глаза меняли оттенок, становясь почти цвета асфальта. В них сейчас было больше мрака, чем в глубине угольной шахты. В такие минуты она беспокоилась за себя. Не потому, что ей было страшно, что он вновь отдалится, уйдет в свое логово терзаний, а потому, что она со своим синдромом спасателя не смогла стать для него героиней, исцеляющей его боль надолго. Похмелье должно было обезобразить Хью, собственно, да — мятая унылая морда с прекрасным общего ничего не имела. Дело было в другом, едва уловимом... Что ей, как женщине, работающей ассистентом косметолога, должно было быть понятным. Линия овала подтянулась, острый подбородок с щетиной, распространяющейся на шею, придавал лицу варварский вид, сама шея уплотнилась, черты лица стали решительнее. Неужели юноша, в тесных кругах сокрушающийся над собственной маложавостью, возмужал. И когда? Сейчас, когда отступление пары от мейнстрима (следование массовым тенденциям) любить до гроба, кажется, из временной переходит в постоянную фазу.

— Пол липкий... — Теперь она согнулась в двое, собирая пыльную занавесу на стеклянный журнальный столик.

Ни одной женщине не доставляет мучить любящего мужчину, но этот заслуживал мучений. В свою очередь Хью меньше всего сейчас хотел видеть Келли. В ее грезах он хорош, она в его отнюдь не привлекательнее. Причина на поверхности: Хью не может измениться, а любимая не способна прочные установки в нем принять. Те пятьдесят долларов потрачены по назначению. За это не стыдно. Вот только прослушав четыре лекции, любой, представляющий себя писателем, жалеет, что подвергает душу насилию, притворяясь поклонником фондовой биржи.

— Деньги будут послезавтра. — Твердо соврал должник. — Дубленка в гримерке год пылилась, не знаю чья, забрал себе. — Не вдаваясь в подробности истории, как измарал куртку, Хью вдруг представил, какие трудности ждут в жизни Изабель. Келли присела на смягченный занавеской столик, уставившись в стену противоположной окну. В забытьи кукольный взгляд устремлялся на репродукцию Веласкеса «Венера с зеркалом». Колуман подарил ее дорогую реплику ее любимой картины на «миллионлетие» их знакомства. Когда девушка вот так застывала в молчании, в ее мозгу сбивались настройки почти наверняка в эти моменты Келли ничего чувствовала, не размышляла. Впадала в нечто медитативное.

Суховатые губы бывшей склонялись к робкой улыбке, что работало в пользу Хью.

— Бошка раскалывается. Принеси попить. — Убедившись, что Келли поверила ему, Хью поспешил сменить тему.

— Принеси воды, пожалуйста. — Улыбнулся он тепло.

— Хью, я не буду тебя учить жизни... И не думай, что я останусь... — Келли вернулась из кухни с набранным до половины стаканом.

— Почему половина? — спросил он с жесткостью и отчаянием.

— Что, прости? — спросила она, будто бы не поверив в то, что стиль общения может поменяться от прохода из спальни в кухню и обратно.

Всю жизнь наливаєшь гребаный стакан на половину. Неужели не ясно, что с похмелья человек хочет высушить водопроводную систему города, весь чертов Гудзон. Что с тобой не так? А? Это гнилая забота, Келли. Гнилая любовь.

Келли продолжила держать вытянутую руку с проклятым стаканом, трясая от обиды сморщенным подбородком.

— Ты... Ты... — Чудовище! — Разразились рыдания.

Келли выпустила стакан из рук и не подумав сказала: я трахну Лэнса. Сегодня же! Понял? Писательская целка.

Она в мгновение раскраснелась от стыда и ужаса брошенных сгоряча слов, ноги повели ее к выходу, где, споткнувшись о собственные сумки, упала. Хью твердым негромким голосом

окликнул ее и, не поднимаясь с кровати, не пытаясь помочь, не подзывая, не видя ее лицо, сказал:

— Нам надо расстаться. Насовсем.

Келли молчала столько, сколько хватает времени переварить оскорбление и без эмоции ответила:

— Еще вчера.

Обиженная бросилась прочь из квартиры, захлопнув символ многих разлук, как виделось всем, навсегда. Облитый водой Хью не шевелился с минуту. Затем он медленно потянул сухую часть одеяла на себя и промокнул тканью губы, лицо и шею.

После ухода Келли единственным спасением казался долгий сон. Хью очнулся лишь к полднику, с трудом отлепив засохшие веки, и первым делом уставился на единственный расшнурованный ботинок, валявшийся на паркете. Мобильник на тумбочке не унимался, посылая в тишину резкие вибрации. С одной стороны — экран телефона, с другой — скверный, пасмурно-пыльный день, делающий убогую меблировку комнаты окончательно тошнотворной.

Юркие строчки сообщений проплыли по дисплею. «Фейсбук» прислал уведомление: «Как вариант...». Хью не до конца пришел в себя, но пальцы уже смахнули блокировку. Открылся мессенджер, и во главе списка, с обрезанной в кружочке физиономией звезды фолк-рока, красовалось имя: МЕРФИ ГИЛЛ. Рядом — синяя галочка верификации. Для кого-то обычный шрифт, а для Хью — выигрышный билет, который в его жизни никогда не выпадал.

Знакомое возбуждение — надежда, переходящая в дрожь — кольнуло в груди. Он сидел, не закрывая беседу, смакуя слово «вариант», а потом рванул на кухню. Казалось, если промедлить хоть секунду, ответ исчезнет, Мерфи передумает, или важная переписка утонет в океане фанатского мусора. Хью вспомнил, как когда-то, полный идиотской наивности, заваливал рукописями одного критика, чьи подкасты знал наизусть. Он боготворил его, верил в духовное родство, но тот просто молчал. Теперь Коулман убедил себя, что это было лишь недоразумение, вопрос времени, но все же ответ нужно продумать.

Он поставил чайник и зажег конфорку под замасленной сковородой. Три помидора черри, последний кусок бекона, последнее яйцо. Хуже отсутствия кофе может быть только перспектива одного яйца на завтрак — голодуха до самого ланча. Два сэндвича спасут от голода, но разрушат финансовый баланс, заставив воровать продукты из ужина. Яйца были его единственной валютой дисциплины, а сегодня он тратил её невыгодно.

В голове уже рисовались картины: умный, раскрепощенный барменеджер из Бруклина, попивающий вино на квартирнике, объясняет мировой звезде тонкие мотивы своей книги. Хью начал печатать ответ, но наткнулся на простое: «Восхищаюсь вашим альбомом. Можно встретиться?» — и стер. Это была ложь. Он не любил музыканта, он лишь хотел использовать его, чтобы закрыть свою нужду. Нужно было солгать изысканнее.

— Не диалог, а черт знает что, — проворчал он, откладывая телефон. — Приберусь пока.

Наклонившись под раковину, он наткнулся на спрей для ламинирования пола — «эффект защиты от вредителей». Келли настояла на этой дряни, чтобы вывести мышей, но грызуны не сдохли — больше того, теперь шерсть мышей блестит так же как и паркет. Бутылочка, как и лужа вокруг нее переливалась маслянистым блеском, химия ударила в голову, усиливая похмельный угар.

Выйдя на открытый балкон, Хью набрал Цинберга. Тот, ничего не подозревая о скандале друзей, бодро сообщил, что едет в Коннектикут к родственникам. Хью успокоился, сжав перила, глядя на город. Он видел перекресток и здания, а думал о картине будущего: Келли рано или поздно уйдет. Ей нужен такой, как Лэнс — быдловатый, но богатый банкир, дающий тепло и стабильность, а не бич-писатель, чьим единственным талантом к тридцати годам стало мастерское самоуничтожение.

С высоты седьмого этажа Хью часто следил за тем, как из подъезда выходит Келли. Она всегда сворачивала за угол, чтобы успеть на автобус до салона красоты. Грызая себя за утренний стакан, он утешал себя тем, что её резкий тон — это не жалость. Пусть лучше ненависть, так будет честнее.

Нью-Йорк за окном казался серым, но современным. Взгляд Хью случайно зацепился за яркое пятно в противоположном доме: в окне соседней квартиры стояла ваза с люпинами. Их нежный, горьковатый аромат, казалось, просочился сквозь бетон, вызвав в памяти образ матери — сгорбленной, всхлипывающей над сборником Рембо. До двенадцати лет он собирал эти цветы у гор Дуранго и делал из них закладки для её книг, но лишь тогда, когда матери было уже далеко за пятьдесят, он впервые так остро почувствовал её старость.

Это случилось в один из душных полдней. Хью шел чуть позади неё, пытаясь незаметно выковырять застрявший в подошве камешек, когда их нагнали Грегори Блю со своей нарядной подругой, которую он походя назвал «матерью». Грегори вежливо поздоровался, спросил, в каком классе учится Хью, и поинтересовался, где в этой школе проходят спортивные тренировки.

Хью уже открыл рот, чтобы ответить, что они с мамой несут обед отцу на лесопилку, а потом он проводит его до спортивного корпуса... Но в этот момент мать Коулмана споткнулась. Сумка выскользнула, разбилась банка с молоком. Жареная картошка, хлеб — всё это перемешалось с осколками и пылью на грязном асфальте. Мама, охая, опустилась на свои распухшие, больные колени. У неё не выходило встать — ноги не слушались её, дрожали от напряжения.

— Гляди, старуха копошится, как нищая, — раздался громкий, острый смех Грегори. Его мать лишь брезгливо сморщила нос, изящно обходя «недоразумение» и обронив что-то высокомерное о «местных простолюдинах».

Мать Хью тихо позвала сына, протягивая руку за помощью, но Хью сделал вид, что не знает эту женщину. Грегори, ничего не понявший, лишь недоуменно выгнул бровь, глядя вслед Коулману, который сорвался с места и сбежал, не оглядываясь, домой под крики: «Куда ты же? Проводи нас!»

Это клеймо трусости жило внутри него до сих пор, но сейчас его потревожил уже другой шум — крики Боба Прокопа. Рыскающий по верхам и низам Боб будто всегда искал проблемы. И находил. Сейчас Боба не было, Хью спустился глазами с такой же, как и у его дома, красной стены с решетчатой лестницей на стандартный пейзаж: мусор на брусчатке, ремонт брусчатки, машина, моющая брусчатку. По брусчатке его дома тоже ряды мешков с отходами, а еще, не добегая до лужайки, облегчаются собаки миссис Периш — животные, гадившие день и ночь. С востока вновь слышались голоса. Скрестив руки, Хью облокотился на решетчатый балкончик и наклонился вправо для обзора перекрестка. Голоса доносились от швейной мастерской. Владелица спорила с Бобом. Она не собиралась платить за озеленение, планируемое управлением на той неделе и, собственно, начатое. Женщина переезжает на Монтегю-стрит, там уже продают ее платья и джинсы, Боб требует с нее деньги на озеленение авансом, управляющий внес за нее задаток в июне. Хью участвовал в сборах и знал, что Боб внес деньги за рукодельницу. Швее сетовала, что не собирается платить за несколько дохлых кустов тополя и островок газона, который загадили собаки миссис Периш. Также она обратила внимание, что на новом месте с нее стряснут деньги за ту же услугу. Спор не мог устроить ни одну из сторон. Подключилась сама миссис Периш. Ее мелкие псы громко гавкали и не могли пописать под чей-то спор. Миссис Периш, волнуясь за мочевые пузыри пуделей, вместо попытки примерить стороны придала усиление скандалу. Хью вернулся в квартиру, закрыл окно, думая о Бобе. Ему представилось, как тот идет с Темпл-сквер и молится вслух. Все жильцы знали — мать Боба когда-то подчинила сына Божьему уставу, а теперь Боб подчиняет праведности жильцов бруклинского социального дома. Однажды и у Хью случилась серьезная стычка с соседом.

Хью и Келли никогда не отличались гражданской активностью. Боб Прокоп постоянно жаловался, что пара месяцами не открывает ему дверь, и чтобы пообщаться с жильцами, ему приходилось часами караулить их на пороге. Более года назад Боб, одержимый навязчивой идеей поговорить с соседями сверху, выбрал крайне странный путь — пожарную лестницу. Прокоп начал подъем ровно в тот момент, когда судьба устроила ему «спектакль»: Хью и Келли занимались любовью, прижавшись вплотную к стеклу окна. Старик, преодолев опасное расстояние, умело водрузил свое тучное тело на ступени, стойчески перенося ночной холод, но зрелище женской наготы стало для него непосильным испытанием. Он не видел ничего подобного с семидесятих годов, времен радикального феминизма, и этот шок оказался почти фатальным. Нога сорвалась, Боб рухнул вниз, и хотя пожарный выход грубо «пересчитал» ему ребра, инстинкт самосохранения заставил его вцепиться в перила.

Прокоп подал в суд первым. Сутяжничество было его стилем жизни: он судился с производителями зубной пасты из-за испорченных десен и воевал с коммунальщиками, если у него промокали носки. А здесь — такой повод после падения! «Суд так суд», — решил Хью и принял вызов. Он подал встречный иск, обвинив соседа в извращенном вуайеризме и преследовании. Убедить суд в грязных помыслах Прокопа оказалось нетрудно: в Америке прогулки под карнизами с целью заглянуть в чужое окно — это прямой путь к тюремному заключению. Пара защищалась самостоятельно. Боб требовал компенсацию за падение и тысячу долларов «упущенной выгоды» за якобы невыполненные работы по облагораживанию дома.

— Немыслимо! — гремел Хью перед присяжными. — Что побудило этого человека в ночи лезть к нам в окно? Почему Боб не постучал в дверь? Неужели мистеру Прокопу было трудно набрать номер телефона, который, между прочим, записан в его же личной тетради в двух экземплярах?

Хью сделал театральную паузу, обводя зал взглядом: — Вы спросите, откуда я знаю? Боб сам с гордостью показывал мне эти записи. Там имена и номера всех жильцов дома! Боб утверждает, что не мог дозвониться, но понятия не имею, где он раздобыл даже номер телефона моей матери. Он звонил ей, донимая требованиями вызвать меня на «добровольный субботник», когда я спал после тяжелой ночной смены, а Келли в тот момент вообще со мной не жила. Повод задуматься, уважаемый суд: не слишком ли длинный нос у мистера истца, что он сует его в дела совершенно чужих людей?

Суд встал на сторону Коулмана. Иск Прокопа отклонили, а самому «управу» строго наказали решать все вопросы строго через миссис Филипс. В тот момент Хью чувствовал себя триумфатором, но сейчас воспоминание выцвело, уступив место настоящему. Прошло не больше пятнадцати минут с тех пор, как он погрузился в эти мысли. Реальность вернула его в сегодняшний день — в душную комнату, где единственный источник светил из экрана. Хью вздрогнул, осознав, что время неумолимо движется вперед: пора было наконец отправить Мерфи Гиллу то самое сообщение, которое он так долго выверял. Коулман глубоко вздохнул, подбодрил себя мыслью «пиши свободно и первое, что придет в голову» и нажал кнопку отправки.

— Восхищаюсь последним альбомом. Я так люблю ваши песни. Могу ли я с вами встретиться?

Ответ пришел почти мгновенно: — Можно и встретиться... Да. Давайте в удобное для всех время.

— Восхищаюсь последним альбомом. Я так люблю ваши песни. Могу ли я с вами встретиться?

— Можно и встретиться... Да. Давайте в удобное для всех время.

Есть! Никогда так счастливо и прытко зад Хью не отрывался от матраса к зеркалу. Размещенное слева от телевизора стекло отразило худощавое длинное туловище, сверкающее танцем папуасов. Под выдуманную песнь ликования широкие заостренные плечи подпрыгивали вверх и вниз. Он поиграл мускулами, назвал себя красавцем, взглянул на крепкий живот, агрессивно

оскалился молодому победителю, издав львиный рык. Прервал забавы другой рык — из кухни. Ретро-холодильник «Freezer» шестидесятых годов гремел, как паровоз на угольной тяге. Квартирант миссис Филипс, владелицы изношенного апартаментов, не размораживал морозильник дважды в шесть месяцев, как то требовалось, и, скорее всего, беспечность скоро привлечет его к убыткам.

Глава 2. Ресторан «Козетта»

Паром прибыл по расписанию на Саут-стрит. Распущенный ветер с Ист-Ривер, пытавшийся прогнать будущего романиста с судна, не кусал так яростно шею и лицо, как вспотевшую от верхней одежды грудь. На острове бруклинцу из боро пришла на ум стоящая строчка: простуды поставляют не ледяные ветра, спонсоры кашля и насморка — производители синтетической подкладки. На сайте выбранного Гиллом ресторана стоимость кофе — 2 доллара за напиток без добавок. Расходы по кредитке исчерпаны, следующая оплата попадет под конский процент. Вечером Хью останется без ужина, всё же выжить до зарплаты можно, купив на обратном пути два десятка яиц. Под ежедневные размышления о заработке был запущен навигатор на телефоне. Пройти следует по респектабельному офисному кварталу нижнего Манхэттена. Чтобы выглядеть солиднее и старше, на щеках и кадыке осталась двухнедельная щетина, прибавившая немалых пять лет. Как и пятничные клерки, бегающие от здания к зданию, писатель был обут в черно-белые конверсы, одет в джинсы и ставший ему свободным в талии пиджак. Затерянного среди деловитых конторщиков узкий портал офисов вывел к Бэттери Парк с галереями и арт-румами. Продавцы зазывали на мастер-классы по рисованию через трафарет. Хью представил, как не может расплатиться за глупое удовольствие — наносить акварель в границах рамок. Обновки, счета, долги — он и без того жил в трафарете. Скоро двадцатое число. За три года аренды жилья, он возненавидел эту дату. От Бэттери Парк навигация не подводила, пока маршрут не перестроился у бизнес-центра на Стейт-стрит. На большом участке дороги обновляли асфальтное покрытие. Обойдя здание дворами, спешащий попал в тупик. До встречи оставалось три минуты. Поддавшись интуиции, он перешагнул через порог забора, дверь проходной системы была подперта кирпичом, а на электронном табло горела надпись: no signal.

За оградой прятались вросшие в землю массивные трюмы, надежно укрытые толстыми железными дверями. Что именно скрывалось за этой сталью — было загадкой. Секретный военный объект? Сейфы, где финансовые воротилы прятали неучтенные миллиарды? Или, быть может, нелепый, гротескный склад провизии? Внутри двора навигатор Хью внезапно превратил экран в белый шум, а телефон окончательно погас, словно какая-то помеха вынудила его молчать.

Двигаясь по двору, Хью замер перед группой девушек. Они шли с таким остекленевшим, отрешенным взглядом, что версия о банальном сексуальном рабстве показалась Хью почти что утешительной — реальность происходящего отдавала чем-то куда более глубоким и жутким. Их сопровождал охранник в форме, чье лицо было спрятано под низко надвинутым козырьком кепки.

Хью окутало предчувствие: он понимал, что не переживет еще одной ночи, раздираемый тревогой за женщин, которым не в силах помочь. Презирая страх, он рванулся прямо к ним. Охранник мгновенно перегородил путь, но, разглядев Хью, внезапно расслабился. Девушки приветливо улыбнулись, и в их глазах не осталось пустоты — они вели себя так, будто их руки вовсе не были закованы за спинами, будто они просто стояли у входа в ночной клуб, болтая с первым встречным.

В глубине сектора раздался пронзительный звуковой сигнал. Лишь когда внезапно вспыхнула прожекторная лампа над входом, Хью разглядел массивную челюсть и жесткую, мужеподобную статику фигуры охранника. Это тоже была женщина.

— Мы снимаем фильм, — бросила она будничным тоном.

Девушки моментально сбросили оцепенение, их тишину сменил звонкий, хохотливый гомон. Они начали шутливо браниться перед объективами камер, которые возникли из ниоткуда, словно по мановению фокусника. В центре этой суеты, с широкой улыбкой, показался Майкл Деннехи — один из самых добродушных актеров, кого Хью мог себе представить. Вся сцена, минуту назад казавшаяся ему кошмаром из нуарного детектива, в одночасье превратилась в типичный, шумный балаган съемочной площадки, где даже самые пугающие тени были лишь игрой света и контрастов.

Весь обход занял минут шесть. Шесть минут тишины тянулись как в детской комнате страха: то жутко, то абсурдно и весело. Выход подвернулся случайно: ворота поползли вверх, пропуская тонированный «Хаммер». Охранник отвлекся, и водитель, заметив чужака в тени, бросил через щель приоткрытого окна:

— Что за мудак тут крутится? - Мелькнувшие в темноте глаза показали Коулману также знакомыми.

Этого мгновения хватило. Пока конвоир разворачивался, выхватив фонарь, Хью рванул к выезду. Он выскользнул из зоны проклятого двора.

На углу, у пересечения Уайтхолл и Бридж, телефон Хью внезапно ожил. Теперь он без труда отыскал вывеску ресторана «Козетта». Миниатюрная менеджер, чьи веки напоминали пластмассовые щетки, провела его сквозь густой красный полумрак в основной зал, где в два ряда выстроились тяжелые глубокие диваны.

Коулман почувствовал тошнотворный дискомфорт от идеальной банкетной сервировки: прямые, словно натянутые струны спины официантов, ослепительный блеск хрусталия, бокалы, укутанные в накрахмаленные кремовые платки, и пугающее, тяжелое серебро на белоснежных скатертях. За спиной писателя кто-то резко дернул шнур, сорвав бархатную портьеру с окна и впуская внутрь поток света, вынуждая джентельменов прятать лица в плечо. Мужчины в строгих костюмах сидели спинами к выходу, женщины — лицом к залу. Гостям пришлось возмущенно зашуметь, чтобы несчастный прекратил впускать этот бьющий по глазам свет.

На дальнем конце зала скулило пианино. Его меланхоличные аккорды завораживали мужчин, но явно раздражали их спутниц. Хью не мог отделаться от ощущения, что всех женщин за столиками подвергли клонированию: подтянутые шатенки с сухими, рельефными телами, словно сговорившись, медленно поглощали одинаковый салат из руколы с печенью, не общаясь друг с другом и не глядя по сторонам.

Хью попросил лишь воду и эспрессо. На предложение официантки попробовать марокканскую мацу он ответил нервным отказом: «Ничего не нужно». Он ждал, чувствуя, как персонал начинает коситься на его пустой столик, когда наконец появился человек в черной панаме. Его венгерский, неестественно глубокий загар выглядел вызывающе — явный признак затяжного курортного отдыха, редкого для холодной нью-йоркской осени. Темным было все: растянутая футболка под козухой, бурые рваные джинсы и громоздкие ботильоны, похожие на клоунские башмаки. Даже на мизинце виднелся черный след от старой травмы дверью. Мужчина, не отрываясь, уставился в экран телефона, носом почти касаясь стекла.

Хью узнал его сразу. Когда звезда рока, услышав свое имя, наконец поднял глаза, его взгляд был потерянным, словно он только что переместился из иного измерения на планету реальности. Мерфи Гилл доверчиво последовал за менеджером, а Хью, притворившись поглощенным телефоном, с трудом сдерживал дрожь.

— Должно быть, Хью Коулман? — Мерфи протянул руку, запястье которой было обвязано грязной тряпкой.

— О да! Мистер Гилл, как я рад... рад встрече, — Хью вскочил, чувствуя, как вспотела и отекала задница. От волнения ему почудилось, будто от него самого исходит неприятный запах.

Музыкант оказался ниже и плотнее, чем на экране. Его глаза неустанно бегали, не задерживаясь на объектах. Удивительно: на сцене Мерфи был стихией, цельным и дерзким зверем, но в жизни он казался странно расфокусированным и неловким.

— Мужик, это... У меня совсем нет времени, — затараторил Гилл, бросая вещи на диван. — После встречи поезд в Джорджию.

— В Атланту? — осторожно предположил Хью.

— Гейнсвилл, — буркнул рокер, проглотив окончание слова.

Хью вспомнил, как они с Лэнсом смотрели передачу об убийстве протестанта псевдокаатоликом в одном из трех Гейнсвиллов. Из кармана куртки Мерфи выпал листок. Хью хотел поднять его, но замер: это был рекламный флаер отеля. На минуту он обеспокоился, что если перед ним один из инкогнито, кто прячется за железными стенами, но тут же увидел на столе тейбл-тент (настольная реклама) с приглашением пройти в номера на верхних этажах ресторана.

Потом Хью мысленно подсчитывал население Гейнсвилла — «на концерт придет вся тысяча человек?» — подошла официантка. Мерфи взялся за меню. Его голова раскачивалась из стороны в сторону, следя за движением глаз по строчкам. После пяти циклов «кивков» девушка робко предложила: «Подойти позже? Может, пока марокканскую мацу?»

Хью решил разрядить обстановку: — А почему именно марокканскую, а не обычную еврейскую?

— Марокканская не такая сухая, — с готовностью пояснила девушка.

Мерфи, казалось, ее не слышал. Он по-прежнему вчитывался в меню. Наконец выбрав салат, основное блюдо и кофе, он вернулся к встрече.

— Вчера концерт отыграли в Квесте. Публика не отпускала до глубокой ночи.

Загар, периодический кашель или узнаваемость артиста не давали покоя гостям. Посетителей насчитывалось от силы человек пятнадцать; один, покидающий ресторан, почему-то решил, что ланч не проглотить без резюме в адрес музыканта: «Я спился на песнях Гилла, а теперь спиваются мои дети». Музыкант легко улыбался, представившись шальным и неотразимым. Хью списал реакцию на своеобразный щит артистов, привыкших к разному вниманию. К счастью, посетитель не стал изливаться речами, а просто ушел. Хью подумал, что хотел бы подружиться с кем-то таким же беззаботным. Нет. Он хочет подружиться именно с Мерфи Гиллом. С этими мыслями его взгляд снова упал на флаер под столом. За общими фразами о погоде и впечатлениях об интерьере ресторана беседа склонилась к цели встречи.

— Перейдем к делу. Для удобства предлагаю перейти на «ты».

— Мне обращаться к вам на «ты»? — произнес Хью с сомнением.

— Рано или поздно это случится, не так ли?

Для Хью это была вторая удивительная, невообразимая минута, сравнимая с мгновением, когда Мерфи ответил ему на фейсбуке.

— В прошлом году... Да. В прошлом я задумался о книге... Как если бы я о жизни накатал густое письмо.

— Мемуары?

Мерфи поднял большой палец вверх.

— Мемуары, — добавил рокер.

— А после острого сообщения от вселенной подумал: вот же, действовать настал час.

— Недопустимо я вел себя, простите, мистер...

— Знаешь, припас я несколько уловок... Помнишь название одного джазового квартета, песня: «Падаю на асфальт, роняю рояль»? Я бы хотел какое-то похожее название...

— Композицию да, помню, — с несвойственной спешкой прервал Хью. Ему не удалось уgomонить эйфорию — ущербную волну, несущую, как правило, убытки достоинству.

— Уверяю, мистер Мерфи, — ускоряясь в убеждении, — сюжет и повествование истории приведут к названию, но это случится в конце. Или спустя много глав, мы не сможем назвать книгу ни сейчас, ни...

Мерфи потупился взглядом в стену, облакачиваясь на стол всей грудью. Хью немедленно снял локти и принял позу кучера, ожидающего строгости от хозяина кареты. Тем временем Мерфи, под раскладку блюд официанткой, добыл из кармана миньон с коньяком и плеснул его в кофе. К горлышку бутылки был приделан ярлычок причастности к какому-то заведению. Хью вернулся к флаеру: «Козетта-отель». Пустую бутылочку рокер вернул вновь в карман, а не всучил официантке, как того ожидала и она, и Хью.

Невольно вспомнилась история с дебоширом в самолете. Задержка вылета запрещала пассажирам пользоваться туалетом. Стюард использовал не тот словарный запас, чтобы уговорить вставшего в проходе в стельку пьяного рокера, успевшего напиться еще до регистрации. Мерфи записывали на камеру, где он с упертостью барана произносил одно и то же: «Я тебе популярно объясняю, что поссу не глядя — на пол». После четвертого повторения слово пришлось сдержать. Обуянный расстегнул ширинку, вытащил член и пустил струю на пол салона, фонтанируя на случайных пассажиров. Самолет задержали еще на час. Мерфи сняли с рейса, выписали штраф и запретили пользоваться самолетами авиакомпании.

— Мы остановились на ваших идеях. Вы знаете, что рассказать читателям — карта успеха книги начертана наполовину.

Мерфи Гилл, отхлебнув два глотка и больше ничего не произнеся, слегка встрепенулся, поставил чашку, взяв телефон. Свободные плечи снова задрались, глаза сузились. Впервые за встречу спина рокера прильнула к спинке дивана, оставаясь в покое какое-то время. Апофеоз привел в ступор. Хью неожиданной перемены не понял. Он было пошел с запросом на внимание, но сбился с мысли. Оглядеться по сторонам? Подслушивать разговоры желающих не оказалось. К тому времени большинство посетителей исчезли. В тишине Хью снова начал замечать белобрысость скатертей и почему-то сейчас решил сознаться себе, что не выносит высокий сервис из-за того, что никогда не сможет выглядеть столь же опрятно, как шелковая салфетка на его коленях.

Тут у Мерфи зазвонил телефон. Он включил громкую связь, положив мобильник так, чтобы Хью было удобно слушать. Мерфи поменялся, глаза засияли, стали отзывчивыми, словно он перенесся на обед к родне.

— Мой паренёк, — донёс он до собеседника.

Хью вернул локти на стол и потянулся правым ухом к середине стола.

— ...Парикмахер делает волосы, как у тебя, папа, — по тонкому голосу возраст определяется как детсадовский.

— Избавляешься от кудрей? Умница мальчик, — осевший голос вытягивал фразы, как старый пёс из телесказок. — Ножниц не боишься?

— Меня стригли машинкой.

Мерфи прекрасно понимал: молодой автор готов плести канат из бурды, лишь бы получить работу. Сотни раз Гилл видел скрытые надежды. Ощущал по скованным плечам, по подчиненному голосу, по кивкам головы — признание твоего статуса. Удобных всегда видно — они готовы терпеливо слушать о том, что совсем их не касается, к примеру, о ночных горшках ваших малолетних сыновей.

Хью был уверен, что понравился. Его состояние трудно сопоставить с прежними счастливыми ситуациями. Все они касались чего угодно, но только не истинного предназначения Коулмана.

— Я ни черта не понимаю в литературе и не знаю, разбираешься ли ты, но пара рассказов на фейсбуке вполне убедительны. Предполагаю, твои драмы — результат собственных способностей. Не заканчивал же какой-нибудь гуманитарный университет. Верно?

— Это так. Тем не менее я много читал, достаточно, чтоб сразиться в письменном баттле с современниками, уверяю вас. Мои амбиции...

— Не переживай, — прервал Гилл, прикрыв веки. — Я не закончил колледж.

Хью ловил каждое слово и чувствовал нарастающую симпатию.

— Я ходил в школу, но ни с кем не разговаривал. Не умел поддерживать разговор...

— Ты наверняка рассчитываешь на гонорар. Предложить могу символическую плату и возможность работать под громким именем.

«Мерфи преувеличил масштаб собственной личности». Хью не знал, из-за денег ли он так подумал.

— У тебя же есть работа? — спросил музыкант с излишней настороженностью.

— Я работаю по ночам. В баре.

— Тяжело придётся.

— Проводить всю жизнь в гастролях — выматывающее дело. А песни ваши как-то пишутся.

— Да. Да... Что ж, Хью, ты кажешься человеком ответственным. Тебе можно доверить смысл жизни?

Гилл впервые оскалил зубы, купленные у доктора Рофе. Дантист Рофе славился дешевым протезированием, его почерк: фаянсово-штукатурный отлив.

— Мне можно доверить жизнь, — задирая голову, с уверенностью и иронией ответил Хью. Он не стал долго пребывать на этой секунде — шуточный писатель придуман для контраста. Чтобы слушающий мог выбрать, какой Хью ему подходит больше.

— Вы так легко согласились, что я не могу поверить в удачу. Вы всегда так скоры в решениях? Я безусловно счастлив... Но... Вы... Ты... Вы не передумаете? — Хью наклонился вперед, так что белая скатерть слегка поехала вниз.

— У Мерфи Гилла интуиция. Такой, как ты, справится. Я возвращаюсь с гастролей через два дня. Потом на очереди Техас. Позвони, скажем... Первого октября. Запиши мой номер, — Хью закопошился в сумке в поисках ручки. Гилл, продолжая говорить, потряс свой телефон, дав подсказку.

— А, да, набираю.

— Встретимся в среду. Позвони во вторник после 15 часов.

Мерфи Гилл произнёс это и бросил на стол купюры.

— До встречи, Хью Коулман.

— До встречи, мистер Гилл.

Глава 3. «Феромон»

Хью вновь стоял в актовом зале школы в Колорадо, читая собственные стихи в костюме почтового ящика. Ему снова было двенадцать. Перед собой в руке держал брошюру с мальчиком у дороги, напечатанную в полиграфии, где подрабатывал. Он никогда не согласился бы на такой откровенный позор, если бы знал, как ловко его отметелят.

Вместе с учительницей английского талантливый юнец пришел заказать книжные буклеты с первыми стихами, а получил первую подработку. В разговорах с хозяйкой полиграфии Хью уловил, что в открывшееся производство требуется сортировщик, и вызвался сам. Владелица, стоящая в кабинете у стола с развернутым каталогом обложек, почувствовав деловое возбуждение подростка, потому сменила распахнутый взгляд на мудрый и мягкий, позволив занять позицию сортировщика, но только с согласием родителей.

Ты же работаешь с отцом. — возражала учительница Эйприл Свенсон. Педагог с двадцатилетним стажем ненавидела, когда люди прыгают с места на место.

Хочешь сменить работу — пожалуйста. Для меня важнее, чтобы ты сочинял. Как он вам на вид?

На вид неплох. — рассмеялась иронично владелица.

— Ребенок учится средне, проза плохо выходит, а вот стихи... Стихи прекрасные... — Ты можешь сочинять стихи к открыткам, — предложила владелица.

Хью шагнул вперед, загородив наполовину учительницу, стоящую перед владелицей. — Согласен. Сортировка и стихи.

Войдя без стука, рабочий сообщил, что резограф починен. — Прекрасные новости! — воскликнула женщина-босс, улыбаясь мальчику. — Прекрасные, и для вас, юный сотрудник.

С момента, как паренек написал с десятков стихов к иллюстрациям почтовых открыток, о нем разошлась молва. Мальчик, стоящий у дороги с конвертами в подоле футболки, из которого прохожие достают письма — самая популярная брошюра. Местная газета напечатала стихотворение «Мальчик-почтовый ящик».

На отогнутом воротнике страницы
— Чернила в форме сердца и стрела.
*Сложи края своей бумажной птицы,
Чтоб страсть твоя по воздуху плыла.
Любви письмо бумажным самолетом,
Доставлю я, коль ветер подведет.
Хочу сказать, что, по моим подсчетам,
Со мной посылка вовремя придет.
Соперник ухмыленно примет прозу,
Ему конверт давал раз двадцать пять.
Любви, переполняющей угрозу,
Таким, как он, за жизнь не испытать!
Зачем же я, дурак, почтовый ящик,
Судьбу слуги не смею изменить?
Пусть так, пускай ценней тебе обманищик,
Моя задача — тайное хранить.*

Популярность привела к небольшой постановке с Хью Коулманом в главной роли. Спектакль школьного театра, где актер в прямом смысле играет почтовый ящик. Это внимание не пошло ему на пользу: группа старшеклассников выследила его после выступления. Заманив «поэта» на заброшенную стройку, они во главе с одноклассником Хью, Гарольдом Блю, принялись крушить его веру в собственную исключительность. — Какое вам дело? — выкрикнул Хью, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха при виде кирпича в руках главаря. — Ты слабак — вот какое мне дело. Выделяешься со сцены, типа что-то из себя представляешь. А на самом деле ты мелкий говнюк. Мы сделаем из тебя мужчину, — наслаждаясь властью, подросток приказал шестеркам крепче держать запястье писателя. — Обещай, что больше не вылезешь на сцену, — любимчик поэзии давил на него. Предчувствуя беду, Хью не должен был послушаться голоса разума, но он ответил: — Я буду искать возможность быть на публике, вновь и вновь! На миг выкатив глаза, хулиган расплылся в жабьей улыбке, приговаривая: «Тебе конец, тварь!», и сбросил окаменелую глину на раскрытую силой ладонь. Неистово вопя под насмешки и оскорбления за «девчачьи развлечения», юный поэт потерял сознание, а очнулся в больнице с двумя сломанными фалангами, которые уже никогда не обретут прежней подвижности. Эта травма выжгла из него поэта: он дал клятву не писать стихи.

Однако никакая физическая боль не способна в нас искоренить голос, вызывающий творить. Не нарушая клятвы, Хью изменил поэзии, написав рассказ о пингвине-мученике, на лапу которого упал осколок ледяной глыбы, лишив его возможности добывать рыбу. Перед тем как погибнуть, пингвин должен был заботиться о яйце. Силы храброго жителя Антарктики покинули его, едва треснула скорлупа — он даже не успел насладиться видом оперения малыша и услышать его голос.

Хью робко положил свое творение на стол англичанке. Миссис Эйприл приняла работу. Следующий день на скучном уроке о синонимах новорожденный прозаик провел в томительном ожидании — он жаждал отклика в душе Свенсон на страдания животного, описанные на десяти страницах. Но со звонком англичанка покинула кабинет, сказав: «Ой, пожалуйста, не сегодня», — словно Хью был не ее любимчиком, а мальчиком, которого педагогический состав держит на строгом учете. Спустя неделю Хью вызвали к доске. Он понял: наконец, ознакомившись с трудом Коулмана, педагог выскажет профессиональные мысли, но ее волновали только неподобающие цветные чернила в домашнем задании. А беспокойство о том, как же пингвиненок справится в мире без отца, в ее голове так и не возникло.

Урок, тогда казавшийся личной катастрофой, спустя годы обрел свою горечь в стенах «Феромона». Хью мог получить стипендию и рекомендации, общаться с большими умами, но вынужден жить ограниченно. Он попивал кофейный энергетик со стула у бара, глядя на двух танцовщиц на краю подиума с установленным в центре облупленным золотым шестом, и думал о своих жизненных потерях. В то время, как техник с галерки тестировал на стриптизершах свет, смешливая толстушка Хизер спорила с Айлин на счет процента по кредиту на сушилку. Хизер вертит ладонями, напоминая ему жесты Келли, когда она раздражена. Хью тут же обрывает себя: «Нет, Келли делает это назойливее». Все готовятся к программе: «Джинс-пати». Шоты - 70% при заказе приват-танца «Мега-молоту»; от официанток и танцовщиц: постиранный галстук-бабочка, джинсовые шорты с гипюровыми вставками, лифчик со звездочками. Эту «радость», Хью мог проживать и в Колорадо

— Терпеть не могу нашу сцену. Не развернуться.

Взбивая редкую шевелюру пальцами, к стойке подошла Джуди — возрастная стриптизерша по прозвищу «Ретро-любовь». С пушком белых бакенбардов и широкими ноздрями она напоминала бразильскую белую мартышку. Джуди в субботу подвернула ногу, скользнув хилсами (танцевальная обувь с высокой нагрузкой на стопу) по краю сцены. С тех пор каждую смену она доставала бармена Билли нытьем: «Валить отсюда надо». Благодаря неудобной сцене Джуди, может, единственная, кто позволила себе дуплекс на окраине Нью-Йорка. Невыносимая зазноба. Ничего, это поправимо. Слив гнева через встроенный рупор гортани босса — вот что излечивает недовольство и хандру. Лимузин, зовущийся так из-за езды исключительно на этих прокатных машинах, выходил из себя каждую низкодоходную неделю. Выталкивая Джуди от бара на свободную площадку перед сценой, Лимузин встал за ее спиной и над головой спустил туфли на платформе, намереваясь сделать заявление: — Обращаюсь к девочкам смены. Зарубите себе на носу, цыпы: еще хоть раз кто-то выйдет в хилсах на пилон — пойдет драть шланг на заправку. Хизер, сколько там сейчас платят? — Около 100 баксов в неделю, босс. Без чаевых. — Уяснили?

Цыпы согласно закивали.

Случай с Изабель и постояльцем Дюком снизил поток посетителей, был уволен бар-менеджер — проблем хватало. Хью Коулман спал и видел, как бы занять должность, и почему это понимали все, кроме Лимузина. — Мы переживаем застой. Денег не проси, — боссу пришлось буквально сбегать от младшего бар-менеджера в кабинет на второй этаж, поскольку, находясь в эйфории от встречи с Гиллом, Коулман выразил пламенную готовность взять правление. К счастью для руководства — без прибавки. Импульсивное согласие насторожило Лимузина, тогда он затребовал: «Чтоб глаза не потухли, горели как сейчас». Угрожающе тыкая указательным пальцем в лицо Хью, наставник принял условия. Знал бы он, от чего в самом деле горят глаза. Заимев свой стриптиз, главный усвоил одну вещь: бары, кафе исчезают с улиц, но всё, что связано с голой бабой, только меняет формат. Притон оборачивается массажным салоном, стрип-пластика перерождается в танце гоу-гоу. «После смерти у любого мужика еще какое-то время стояк», — сомнительными данными о мертвецах с эрекцией босс встряхивал коллектив, твердя, что его телефон разрывается от желающих работать в «Феромоне». Популяр-

ность места, разумеется, преувеличена. Тем не менее Хью обязан обеспечить двойную прибыль, иначе стриптиз-клуб, существующий немалых пятнадцать лет, перестанет существовать в истинном виде. Вряд ли бальные пируэты от счастливых танцоров Бруклина вернутся на Макдональд-авеню, а вот минимаркет или торговый центр — весьма вероятно.

Глава 4. Под тенью дерева на кипе бревен

Несколько шумных парней на бетонных ступеньках престижной высотки в Верхнем Ист-Сайде мешали утреннему укладу этого дома. Вернувшиеся из Атланты, к тому же отыгравшие накануне на частном мероприятии, музыканты группы «Эрига» должны были быть смертельно уставшими... Они и устали, и вели себя вызывающе. Трое мужчин не обращали внимания на угрозы жильцов, в то время как швейцар прятался в вестибюле, поскольку хорошо знал каждого из крикунов.

На двадцатом этаже, окнами на типовую высотку с большим экраном, находилась небольшая лофт-квартира Мерфи Гилла. Оформленная в индустриальном стиле, берлога походила на камеру заключения: холодная, пустая, приводящая в ужас друзей семьи. От гула мобильного телефона мутные водянистые глаза Мерфи приоткрылись. Сдавленный собственным животом, Гилл, любивший спать на груди, закричал. Подушка из-за отсутствующего изголовья провалилась в щель между царгой кровати и стеной. «Каждую ночь одно и то же». Раздражение от нефункциональной кровати должно было овладеть им, но вместо этого сердце переполнила тоска. Рокер перекатился на спину, пощупал простыни второй половины кровати — холодные и пустые; глазам это никогда не нравилось. Замашисто откинутое шерстяное одеяло оказалось на полу, как только телефон попал в поле зрения. На краю кровати, прижимая аппарат к уху, он уставился в окно, на проекцию красного «Рендж Ровера». Автомобиль был готов сорваться, въехать в лофт и разнести к чертям жилье. Фантазия с легкостью снесла заводскую балку лестницы на второй этаж, тумбу под телевизор и самого Гилла.

Мерфи Гилл сипло буркнул: «Алло». На другом конце трубки только и делали, что возмущались. Усевшись поудобнее, Мерфи стал осматривать ворсинки — красные, синие, серые, скатывая их на вздутом пузе и особенно под ним. Скатывание частиц ткани с одеяла так увлекло, что он чуть было не бросил телефон.

— Я хоть раз опаздывал? — Эдди нужно заехать в посольство, а у нас одна машина, — возмущался барабанщик Ларри. — Пусть Эд возьмет такси, как ребенок, черт вас побери. — Таксисты не сажают его. Эд в хлам.

Мерфи костяшкой потер глаза; слез не разошлась, тогда он обтер лицо о подушку, навел пульт на телевизор, из экрана пошел свет без картинки. — Так какое, черт побери, посольство? Кто его станет обслуживать? Ждем Виктора, прыгаем в поезд, посольство на той неделе. Сегодня только Техас. Всё. Дайте продрать глаза.

Мерфи бросил трубку, уставившись в телик. Требовалось время на утренний туалет. Запах затхлой сырости из ванной вынудил ополаскиваться с открытой дверью. На кафеле набухло насквозь мокрое полотенце с торчащими нитями каштановых волос. Под прохладной струей, промыв голову одноразовыми пакетиками шампуня своей новой любовницы Джанет, он вслух сказал: — Детка, подай сухое полотен...

Ему никто не ответил. Джанет испарилась. Она оставалась на ночь, и ритуал с полотенцем запечатлелся на подкорке. Выйдя из ванной, Мерфи подумал о Брайане — смотрителе своего дома в Сараготе. Они не созванивались несколько недель: Мерфи до сих пор не знал, починен ли водопровод, из крана текла ржавчина, а со стороны бассейна воняло тиной. Брайан хорошо справлялся, но делал все слишком медленно. Мерфи впервые подумал, что платит помощнику мало, но отогнал мысли, подсчитывая убытки следующего месяца. Трое его детей в разных штатах, дочь с недавнего времени, проживающая в Нью-Йорке, дорогое увлечение любовницы

— студия маникюра... Пожалуй, все останется как есть. А Брайан обойдется большой европейской корзиной — подарком из тура по региону.

Барабанщик Ларри, вернувшись из Атланты, снова был невыносим. Он изводил нового швейцара байками о «дельфине из Приморья», пока Фрэнк Клифф устало наблюдал за их группой: Эд спал прямо на клумбе с отцветшими цветами, а клавишник Кори окуривал всё вокруг благовониями кедра, пытаясь «восполнить энергию» перед концертом.

— Господи, неужели за пятнадцать лет карьеры мы до сих пор вынуждены терпеть друг друга? — пробормотал Фрэнк, когда Мерфи наконец спустился к микроавтобусу.

До вокзала их вез Грабовски — менеджер, который в последнее время перестал скрывать, что использует стратегию Гилла для продвижения другого коллектива. В поезде до Техаса аромат палочек Кори пропитал всё купе. Мерфи заперся в туалете, пытаясь спасти «упавший» голос полосканием, и вдруг поймал себя на мысли о Коулмане.

«Приятный, но скованный для музыкальной орбиты. — размышлял он, глядя в мутное зеркало. — В омут бродячей жизни затягивает разные характеры; сгорающие пропускают жизнь через себя, а этот... Он не сумасшедший. — А должна ли автобиография быть безумной?»

Образ Лорейн, его давней подруги из Оклахомы, всплыл внезапно, пробив защитную броню усталости. Он вспомнил, как они сидели под деревом на кипе бревен, и она — единственная, кто не был в восторге от его первых текстов — заставляла его стремиться к простоте. Лорейн не понимала его «воздушных» метафор, требуя честности. Почему он вспомнил ее сейчас? Быть может, именно она — та самая, кто должна прочесть его историю, чтобы понять, какой путь прошел Мерфи Гилл на самом деле.

Лорейн точно была особенной. Только особенная девчонка может любить книги, где главными героями становятся работяги промышленного производства. От нее он узнал, что главное для городов — иметь фабрики и заводы; заразился уважением к мужчинам и женщинам за станком — другим детям не приходило в голову думать о таких вещах. Кажется ей нравилось стихотворение «Проба» — из этого может выйти необычная, но замечательная песня». — говорила она.

Так и случилось. Музыкант вносит в саунд-чек историю о том, как важно начинать путь к профессионализму с любой движущей тобой силы. Пробовать, действовать, ошибаться. Почему он не решался с ней связаться? Быть может, сделать это прямо сейчас. Мерфи вернулся в купе, взял мобильник, попытался найти Лорейн в фейсбуке, однако глухая зона отрубила интернет. Настигшие картинки приятного дня привели к неожиданному заключению: Лорейн должна еще что-то сказать о песнях давнего друга. Быть может, она снова не поймет его творчества, но книгу на полувекковую жизнь поймет наверняка.

Глава 5. Фрэнк Клифф. Про отношения в коллективе

После концерта группу «Эрига» ждал дешевый отель на пустыре. Первым делом, раздеваясь на ходу догола, Мерфи поспешил в уборную. Открыв дверь ванной, он наткнулся на свое отражение. На всю стену было установлено кривое зеркало с расплывчатым силуэтом, да еще и там, где не следовало — за унитазом. Абсурдно и смешно. Впрочем, улыбка быстро поползла вниз. Плохой белый свет, ужасное качество стекла и ужасное состояние тела рокера привели его в печаль, а через минуту — вывели из себя. Кожа цвета серого мела висела на груди, а в области живота была натянута, как на старый детский мяч. Чувствовалось, как в этом «живом мяче» ворочается сэндвич из забегаловки, где он выступал. На бледной шее болтался «гребень», как у индюшки, воспалились глаза, горло разболелось еще сильнее. Вина за переизбыток была столь мучительной, что он поклялся быть впредь разборчивее и неторопливее. Пожалуй, глотание еды — единственное, в чем Мерфи был скор. Привычка запихивать пищу на бегу осталась из детства, в котором родители вечно опаздывали на работу. Гилл называл «восстановлением» привычку мочить полотенце в ледяной воде, класть его на лицо и, задыхаясь от

тяжести, сидеть в удушающем положении 7–10 минут. Стягивая с себя махрового «душителя», Мерфи на этот раз не почувствовал облегчения в груди и продлил сеанс еще на четыре минуты.

Оставшийся вечер рок-звезда провел с вдумчивым и малоразговорчивым гитаристом Фрэнком Клиффом. Только Фрэнк способен был поддержать его дух. Они ударились в воспоминания, говорили о бесценных атрибутах детства: бейсбольных карточках, первых настоящих футбольных бутсах. Мерфи прослезился, когда Фрэнк в точности описал того вратаря и награду за выигрыш в турнире — значок победителей округа. Несмотря на успех, Мерфи хранил затаенную обиду на ребенка из команды соперника, испортившего сладость той победы. Он все бы отдал, чтобы вернуться в тот день, отвесить поганцу Тому Кросби тумак и сказать ему, какое тот фуфло.

Испортить день не могли даже катаклизмы, а вот фраза Тома: «Пусть мы проиграли, зато от нас не воняет мертвым кобелем» — запомнилась навсегда. В то утро будущая звезда рока надел отсыревшие спортивные шорты, мать убеждала, что запах рассеется. Плевать на Тома, но его слова услышала и смутилась Стефани, девчонка, обещавшая пойти с Мерфи на свидание, но так и не пришедшая.

Мерфи с Фрэнком сидели в кафе при отеле, когда ресторан уже был закрыт. Друзья часто проводили время так после концертов. Ресторан закрыли в полночь, но Мерфи, обещавший себе диету, пил коньяк и посреди разговора ткнул незажженной сигаретой Фрэнку в лоб. — Обогреватель ты наш, — сказал расслабленно Мерфи, рассматривая лоб товарища в гармошку. Теперь морщины над дугами бровей стали заметнее, но все это неважно, когда глядишь в понижающие щелевидные серо-голубые глаза Фрэнка. Фрэнк специально нахмурился, превратив морщины в «заборчик радиатора», чтобы доставить удовольствие другу. Он был спокоен и стабилен. С подбородком, устремленным в небо, Клифф выпускал густые кольца дыма. Он чесал себя за ухом, поглядывая на размягченного Гилла, глаза которого слезились от счастья.

Хуже становилось от мыслей о Грабовски. «Объявил себя продюсером розовых писек». Гилл не желал знать ни об исполнителях Виктора, ни о молодых артистах в целом. Он сам не мог объяснить свою нелюбовь к новым певцам. В свое время скептики также презирали его, и тогда он клялся, что не станет консерватором или завистником, но стал. Мерфи только что закончил судиться с продюсером одного поп-коллектива за схожесть мотивов в песне — тяжбы длились восемь лет. Суд встал на сторону Гилла. Виктор не принял во внимание упрямство старика и пошел по опасному пути. Мерфи всегда сам писал тексты и музыку, ревностно относился к творчеству, не позволяя никому в коллективе проявлять инициативу. Он должен быть лидером во всем. Каждый должен заниматься своим делом: барабанщик — стучать, гитарист — играть, директор — назначать, а творец — то есть он — извергать.

Фрэнк припомнил «косяки» и за Мерфи, который всегда заставлял себя ждать. Фрэнк мог говорить Мерфи все, что думает. Удивительная способность у Клиффа: люди слушали его и в какой-то мере исправлялись.

— Вспомни историю с гелем для зубов, — мягко вставил Фрэнк. — В тот день мы едва не сорвали вылет. Ты заперся в единственной кабинке туалета на заправке. Тебе приспичило именно там — не помню даже какой город, в этой вонючей дыре, — устроить тотальную чистку зубов: гель, нити, ополаскиватель... А у Ларри скрутило живот. Он умолял, стучал в дверь, но ты вспылел на него, сказав, что твой малолетний сын терпеливее. В итоге Ларри обделался прямо в штаны у всех на виду. Самое паршивое, что ты вышел из туалета сияющий, с запахом мяты, а Ларри всю дорогу вонял нечистотами.

— Не знаю причем тут этот случай.

— Тогда подставив Ларри, обоссался ты, а не он. Так что понапрасну ты так близко принимаешь на свой счет реальность. Виктор всю жизнь слыл неудачником. Даже родня отвернулась от него из-за дурацкой жизни. Представь: ни близких, ни друзей, просто потому что ты обычный парень. Ни наркоман, ни мудака, не извращенец... Пусть балуется, главное, чтоб

основную работу не запарол. Эти девчонки принесут ему лишь хлопоты. Ты должен пожалеть его, а не злиться.

Клифф с блаженством отвлекся на глубокую темноту ночи, которую разбавлял лунный свет. — Его проекты меня не волнуют, я был бы даже рад, — повысив голос, сказал Мерфи, выглядя при этом неубедительно. — Правда? — не глядя на него, безразлично ответил Фрэнк, словно не замечая надрыва. — Вспомни Алабаму, Мичиган, жалобы из других округов. Нарушение договоренностей, потеря денег, неустойка, сбой в концертном графике — всё это пришлось на появление его протеже. Я должен был заметить... Он тратит ресурсы коллектива, а ты мне «лечишь» про личные амбиции. С ним надо что-то делать. Это уже не «крейзи». — Уволить, — с иронией ответил Фрэнк.

— И искать другого грабителя, — последовало возражение.

— Вот видишь? На его место придет другой. Ты прекрасно знаешь, что не станешь избавляться от Виктора. Все мы семья, у меня тоже есть недостатки, — Фрэнк вернулся на лежак, перевернулся на бок и потянулся к стакану на засыпанном пеплом столике. — У тебя их, кстати, больше всех.

— Опять по кругу о моих недостатках? — Забыл, — довольно согласился Фрэнк.

А Мерфи задумался о другом. Его не занимали мысли о своих недостатках или чьих-либо еще. Мысли развеялись, поскольку откуда-то кто-то начал перебирать струны гитары. Мерфи Гилл и Фрэнк обернулись, не сразу поняв, что это музыкальная запись: откуда-то с верхнего этажа отеля, где не горел свет и не блуждали тени, доносились лишь пара открытых окон и мелодия Стельвио Чиприани.

— Помнишь этот фильм? — спросил Фрэнк спустя половину композиции, сыгранной в вестерновой манере, с бегом лошадей и стилем мариачи. — Ринго Старр, ага. — Фильм про наемника... как же его, господи. — «Слепой». — Слепой!

Фрэнк громко запел: «Хэ... хэ-хэ... Хэ, хэ-хэ». Прерывая ненужное напоминание, Мерфи оставалось только подключиться.

«Как было бы здорово запомнить этот вечер, глядя на хорошенькую девицу, а не на старую рожу», — обратился Мерфи к товарищу, когда трек приближался к завершению, а в ответ получил пожатие плечами и улыбку, выразившую сожаление о несбыточном.

Отчего его так манило это дурацкое зеркало? Стоя пьяным у унитаза, Мерфи напряг бицепс, и тот ответил плотной волной округлых крепких мышц. Нездоровый, немолодой, он должен был замечать другое — огонь темных живых глаз. Свет мудрости, исходящий из глубины души, и пьяный, веселый мозг убеждали, что только это и важно. Что он по-прежнему волнует женщин, и так будет всегда. Отходя ко сну, как сейчас, так и почти каждую ночь на гастролях, в чужой постели, окруженный временной мебелью, он готовился пережить зудящее чувство одиночества. Иногда он тосковал по женскому теплу, но все больше почему-то по другому, что долго отрицал — по настоящей близости. Он не был ни мачо, ни слюнтяем, а настоящей мужской плотью и духом. Часто он спрашивал себя: «Почему я подпускаю кого попало, развлекаюсь с любой, кто строит глазки? Менеджер, начинающая модель, фанатка — по своему выбору? Этого ли я хочу?» Безусловно, прожив полвека, он не видел последствий и опасностей одноразовых встреч, не думал об угрозе распространения детей по каждому штату, что, собственно, и случилось. Неужели ему просто не была дарована та самая святая женщина, образы которой так часто воспевались в его творчестве?

Сейчас он вспомнил, что давно не звонил в Огайо — поздравить маленького Айрона с днем рождения, не писал слов поддержки в Калифорнию, где на днях ушибла палец его копия — Мина. Безусловно, любя частицы своей плоти, сейчас его телу и голове нужен был сексуальный разряд: фанатка, которая до утра слушала бы истории побед, девушка, которая затем

сделала бы массаж, запрыгнула сверху и, качая грудью, просто упала бы туловищем ему на лицо, и они проспали бы до утра.

Глава 6. Звездная публика

Первая неделя октября была ветреной и гнилой. Мир штормило — теракты, забастовки, вечное нытье в новостях. В окружении Хью все чувствовали себя потерянными, но сам он впервые за долгое время поймал ощущение чего-то важного. Чтобы подтвердить серьезность намерений Мерфи, Хью позвонил ему сразу после гастролей. Золота в голосе рокера не было: он звучал безучастно и, кажется, вообще с трудом вспомнил, кто такой Коулман.

— Когда мы договаривались? — прозвучал жесткий, сухой голос, которым посылают на три буквы.

Хью взмок, едва не провалившись в катастрофу, но удержал диалог. Похоже, они с Гиллом снова вернулись на «Вы».

— Я смотрел ваш график, ближайшие концерты в Нью-Йорке. Встретимся между ними, — Хью гнул свою линию, прикидываясь, что их прошлая встреча была лишь началом пути. — Мы договаривались после Техаса. Книга подождет, вам нужно выдохнуть. Уверен, на юбилейный концерт у вас припасено крутое шоу.

В трубке шорох — Гилл явно переключал телефон.

— Слышно меня? — в приподнятом настроении переспросил Хью, чувствуя себя паршиво.

— Притоптывай в клуб «Шанс» к восьми, — коротко бросил Мерфи. — Посмотришь на моих дураков, послушаешь новую песню. Писать начнем. Всё будет крейзи.

У «Шанса» кучковались компании, передавая по кругу флягу. Охранники на входе разворачивали народ от VIP-входа к общим дверям. Хью с гордостью сунул хостес телефон с кодом:

— Я по спискам.

Девушка даже не взглянула: «Здесь все по спискам».

Внутри — узкая лестница, бар, делящий зал на сектора, и сцена с бархатной занавеской. Хью приткнулся к стойке, прикидываясь своим. Отдыхающие здесь тратили деньги не глядя, а он цедил самое дешевое пиво, надеясь, что его хватит до конца вечера. Одна бабенка — «милашка» — строила ему глазки за бесплатную пина-коладу, но Хью не был готов тратиться на флирт. В итоге он прибил к неформалам, которые в ожидании рокеров угощали всех подряд. Старая привычка — выходить из положения, выступая «прихлебателем».

После долгого ожидания клуб уплотнился донельзя, и на сцене наконец появились гитаристы и клавишник. Барабаны задали ритм. — Наконец-то, — с упреком прошептал Хью. Вступление поддержали гитары, а клавишник бездельничал, подергивая коленом. Едва появился фронтмен, публика сошла с ума. Прежде одинокие гости и занятые разговорами компании — все обратились лицом к рок-звезде. Люди расслабились, позволив себе визг, топот и свист. Хью поразился метаморфозе: дикое эмоциональное восхищение прежде скромной публики. Мерфи произнес «звук», затем поприветствовал зал и попросил пошуметь, поскольку впервые популярные в гастрольном туре синглы из альбома «Материковые птицы, континентальные животные» прозвучат на камерной сцене. Музыкант прижал микрофон, как губную гармошку, нашептывая первую строчку таинственно, даже скорее эротично. Коулману композиция не была известна. В первом припеве с трудом удалось разобрать хоть пару предложений мягкого тенора, поскольку использовался прием: строчка тихая, строчка громкая.

*Ты дышишь глубоко, а я дышу не так,
Неправильно, как ты считаешь...
Ты хочешь убивать, ведь жизнь моя — Луна.
Стреляй, ну что же ты рыдаешь?
Захочешь говорить — мы выпьем, и пройдет...
Я больше не приду — летаю.
Мне лучше на Луне, и это мне идёт.
И мается моя О! Майя!*

Припев:

*Майя — летела на Луну. Ты больше не в плену, убийцы!
Раем звала или звалась. Тобою не спаслась — не спится.*

*Спуская рукава, тебе немного жаль,
И соль ты с моих губ целуешь.
На белую Луну, холодную как сталь,
Попасть вдвоём мы не рискуем.
Захочешь говорить — ты выпьешь, и пройдет.
Я больше не приду — летаю.
Мне лучше на Луне, и это мне идёт.
И мается моя О! Майя!*

Хью, прочувствовав характер текста, стал подпевать. Стихи не тронули, притом в музыке столько романтизма, что мозг сдаётся и принимает льющееся блаженство. Странные словечки в следующих хитах заставляли думать и отряхиваться от привычного имени того или иного предмета или чувств.

— Сердце рвется из груди, — призналась коренастая замарашка, положив пухлую ручонку на свою внушительную грудь.

— Да, — кивнул Хью, едва заметно отстранив плечо от соседки.

— Птица летит по краю неба... — пел Мерфи. — ...Пикируют на свет больших квартир. Потолков квартир... — толпа вторила ему.

Все следили за руками певца. Он раскрывал грудь, отводя руки за спину, заставляя голову клониться вперед. Под софитами Мерфи предстал непостижимым, недоступным. Энергия такого человека аккумулирует жизнь. В благодатное поле стремились совсем юные фанатки, недостаточно одетые для октябрьского вечера; вся их одежда — шортики да тряпичное бра. Прильнувших к подиуму ждало разочарование: пришлось бороться лишь за взгляды музыкантов. А вот взгляд Мерфи... Глаза Гилла не предназначались публике. Выпрямившись на припеве, он долгим взглядом стремился прорвать оковы реальности, направляя преданность музыке в вечность. Наслаждение он испытывал от процесса, от себя, от верующих в его «религию звука».

— Принести еще темненького? — пристальным, неотступным взглядом интересовалась замарашка, отвлекшая Хью от разгадки чего-то важного.

— Погоди, — Хью нехотя закопошился в карманах, опуская глаза в пол. — Минуту.

Жестом ладони он призывал к терпению ту, которая и так не спешила. Чтобы подольше «шариться» в пустоте одежды, пришлось встать вполоборота.

«Соображай же быстрее, дура», — подумал он, стыдясь того, чего ждет от некрасивой бабенки.

Не дожидаясь возвращения его внимания, замарашка предупредила:

— Никуда не уходи! — и танком пошла прорывать толпу.

Вернулась она под начало новой песни. Хватая обеими руками вспотевшее пиво, Хью открыто смотрел ей в глаза, будто других не замечая.

— Воображение же нужно, чтобы всю эту философию Мерфи одолеть? — поделился он.

Бабенка хлебала свое пиво и отвечала односложно:

— Ага, я люблю припевы орать. Рок — это по мне.

И как только такие люди проходят фейс-контроль?

Подруга замарашки сплелась в танце с неформалом. Хью почувствовал угрозу в их медленном ритме и в удобный момент слинял в другую часть зала. Неподалеку музыкой наслаждалась другая пара. Хью встретился с ними глазами лишь раз, но до конца вечера носил стыдливый жар на щеках и спине.

Дожидаясь завершения концерта в подворотне, Хью подмерзал у витрины с компакт дисками армейского магазинчика. Он представил сиротливо лежащие в холле какого-нибудь клуба свои книги, над которыми будут посмеиваться фанаты группы, так же как сейчас он смеется и недоумевает над пластинками бардовских песен от спецназа. Он надеялся застать музыкантов и отблагодарить за душевное выступление. Стены здания, пульсирующие звуком, прекратили быть теми, кем они не являются — тусовщиками, а стали сами собой — тупым кирпичом. Голос толпы растворяясь уходил на восток, уступая тишине, а затем и глухоте. Доспехи уверенности, обретенный от пива снимал морозец. Разоблаченный одиночка остывает, что-то меняется в его мозгу — Хью сейчас же проделал анализ ощущений. Похожего анализа прежде не проводилось. Прямо сейчас утрачиваются некоторые... Нет все чувства. Силуэты парней с рюкзаками во весь рост выбирались с подвала клуба. Следить за ускользящими героями вечера, ничего не предпринимая? Да что с тобой? Хью почувствовал, как нечто неконтролируемое овладевает им. Слух стал острее, звуки шарканья ног, пугающе громкими. А за тех ли личностей принимаются параллелепипеды в камуфляже, разговаривающие о поэзии? Кирпич, почтовый ящик, и тетрадь для английского. Хью затошнило. С двумя пальцами во рту, он слушал, как геометрические фигуры пробрались проходят подворотню, зато замарашка, стоящая в арке под светом фонаря, лобзающая шею зюлика в спортивном трико и шляпе, остались самими собой. Группа параллелепипедов пробралась сквозь нежности парочки, шагнула к микроавтобусу и с визгом тормозов поставила точку в событии этого дня.

Глава 7. Материковые птицы, континентальные животные.

Сингл «Майя» с нового альбома буквально взорвал музыкальные чарты. Во многом это была заслуга давнего партнера группы — медиамагната по прозвищу Глыба-промоутер. Коллектив получал максимум ротаций, рекламу в прайм-тайм, размещение в саундтреках сериалов и мощные продажи мерча. Для фолк-исполнителей такой успех казался невероятным, и во многом он держался на благосклонности Глыбы.

Коллектив не только не платил за эфиры, но и получал за них вознаграждение: «инопланетная» музыка шла на ура и на теле-, и на радиостанциях. Так продолжалось пятнадцать лет,

но было одно «но». Независимо от реального спроса, компания Глыбы выплачивала группе один и тот же процент — 5. В последнее время Мерфи это перестало устраивать.

Глыба-промоутер настаивал на условиях, утвержденных в самом начале сотрудничества, еще тогда, когда «деревья были большими». Когда Мерфи пригласил магната на день рождения Виктора Грабовски, он между делом заговорил о пересмотре договора — и невольно фантазировался о справедливости, которой так не хватало в годы бедности. — Чтобы вам, старым ослам, рассчитывать на серьезные отношения со слушателем, индустрии развлечений пришлось бы уважать музыкальную моногамность. А этого никогда не будет, — отрезал Глыба.

Он напомнил, что еще десятки сотен стервятников претендуют на минуту эфира, а приглашение — несмотря на разногласия — он, разумеется, принимает. Раньше Мерфи не слишком переживал из-за того, сколько денег утекает в карман медиаворотилы. Это был единственный «вампир», которого нельзя было отваживать. Пока всё идет как надо и героиня его песен отправлена в космос, Мерфи может спать спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.